

1. В разные времена искусство, в том числе словесное, выполняло различные общественные функции – экзистенциальную, катарсическую, компенсаторную, интегрирующую и многие другие. Какая функция словесного искусства, с Вашей точки зрения, становится ключевой в наши дни, в эпоху пандемии и связанного с ней глобального кризиса?

2. Какие основные формальные и смысловые требования, с Вашей точки зрения, предъявляет к литераторам и литературным произведениям сложившаяся в наше время ситуация? Каким, по-Вашему, должно быть литературное произведение, полноценно отражающее окружающую нас действительность?

3. Какие меры, с Вашей точки зрения, может предпринять писательское сообщество для сохранения литературного искусства как института общественного самопознания в дни, когда интерес к литературе в социуме становится всё слабее?

Кирилл Анкудинов:

1. Словесное искусство продолжает выполнять свои функции. Пандемия никак не связана с этим процессом.

2. Формальные и смысловые требования к литературным произведениям те же, что были до последнего времени. Требования к литераторам – сохранение ими здравого смысла.

3. Всё правильно: литературное искусство – институт общественного самопознания. Литература должна познавать мир (включая общество), а не гоняться за интересом к себе. Как только литература начнёт действительно познавать мир, а не заискивать перед воображаемым читателем или украшать себя (авторов и их себя – героев), она снова станет интересной и заслужит спрос у читателей.

Диана Кан:

1. Сложные годы тем и хороши именно для людей литературы, что в авторе и в тенденциях выявляется главное, что порой теряем в обыденности. «Блажен, кто посетил сей мир // В его минуты роковые...» – сказано на все времена нашим гением Тютчевым. А ещё хочу напомнить слова другого нашего гения Фета, они тоже на все времена и уже прицельнее говорят о задачах именно для поэтов: «Вопросы «о правах гражданства поэзии», «о её нравственном значении, о современности в данную эпоху и т. п. считаю кошмарами, от которых давно и навсегда отделался», — цель поэзии — красота». Казалось бы, а как же гражданственность? Но

ведь налеты чёрных сил в смутное время имеют целью уничтожить именно гармонию в душах людей и то вечное понятие красоты, которое ниспослано нам свыше – Христом ли, Буддой, Магометом, неважно. Важно, что это понятие Абсолюта. Потому можно сколько угодно пламенно бороться с очередным антигуманным властным режимом, но ведь тьма – это просто отсутствие света, гармонии, красоты. Не лучше ли помочь – свету, гармонии, красоте. При этом, конечно, поэт не может не быть гражданином и вправе говорить власти то, что думает о ней. Но главная задача поэзии неизменна во все времена – бороться с тьмой, помогая свету.

2. Не надо считать наше время каким-то особенным. В России не было лёгких времён от слова НИКОГДА. Русская литература – явление, сотворённое по закону парадокса. Жемчужины нашей словесности явлены миру во времена жесточайшей – царской или советской – цензуры. Как видим, цензура не помешала талантам творить, хотя, конечно, крови попила немало. Но это проблемы творцов во все времена, нам же, как ни эгоистично прозвучит с читательской позиции, важны тексты, что явлены в сухом остатке писателем. Это нормальный здоровый эгоизм всех тех, кто работает на результат. Ну а когда нет результата, то автор, понимая это в глубине души, начинает разговоры про то, как он мучился, страдал, ночей не спал... Вряд ли эта кухня кому интересна. С цензурой боролись, посмотрите историю литературы, как правило, не самые талантливые писатели. Истинно талантливые, страдая от неё, понимали и её целительное благо, как всякого яда, который надо уметь превозмо-

гать... И потом, всякое чувство некой исключительности надо просто исключить! Все эти – ах, мы живём в особенно сложное время, мы такие уникальные! – на поверку лишь одна из граней гордыни, а гордыня есть верный признак посредственности. Это ещё Омар Хайям заметил в своих рубаиях! Требования всё те же: не надо давать название литературы тому, что литературой не является. Не надо подменять качество количеством.

3. Я думаю, что государство вспомнит о литературе тогда, когда литература перестанет нуждаться в опеке государства. Когда она благодаря опять-таки качественным текстам, станет настолько востребована читателями, что сможет сама себя прокормить. Вот тогда то власть о нас и вспомнит! Может, я кажусь излишне романтичной, но в своё время Сталин включил писательское сообщество в структуру государства именно потому, что писатели были реально властителями дум и общественных настроений. Были уже столько мощные творческие наработки от настоящих писателей (Горький тоже ведь пришёл не на пустое место, а вслед за Чеховым, не говоря уж о Льве Толстом!), что власть вынуждена была считаться с писателями, как с реальным фактором влияния на общество. И здравая власть это поняла по принципу товарища Саахова – тот, кто нам мешает, тот нам поможет. Но настоящие писатели опять-таки всё равно, даже будучи уважаемы и финансово поддерживаемы властью, старались не кривить душой перед народом, для которого писали. Если власть умна, она будет понимать простейший закон физики: опереться можно лишь на то, что сопротивляется! И опять же – опять же! – никакие личные связи-подвязки не сделают слабые тексты творчески состоятельными. В итоге от автора остаётся только текст. Он и делает автора (или не делает) интересным для следующих эпох. А интерес к литературе в социуме слабеет, потому что сегодня у нас за писателей выдают людей бесталанных, порой читаешь и прямо забавляешься, насколько бездарности всюду проникли на таланте «гибкого позвоночника» и умении вовремя и кому надо сказать «чего изволите?». Групповщина процветает махровым цветом. Но народ не обманешь, ему просто неинтересно то, что сегодня на голубом глазу выдают за литературу. Шелухи очень много, так, думаю, было и всегда! Среди новых поколений авторов отмечаю презрение к классике и даже поощрение этого презрения, вследствие чего у нас полным-полно всевоз-

можных форумов для молодых литераторов, фестивалей, семинаров, но в сухом остатке я не вижу текстов, которые бы можно было читать с листа, не поморщившись при этом. И уважать человека, который стоит за этими текстами. Не его умение «подать текст со сцены», ибо речь не о декламаторстве. А именно качество текста. Да, читают молодые авторы порой задорно, креативненько, но литература – это не то, что создаётся для ушей слушателя, литература – то, что создаётся для глаз читателя.

Фаина Гримберг:

1. Я сторонница словесного искусства как свободного самовыражения; когда пишущий высказывает самые свои интимные чувства и мысли... тогда и возникает катарсис – самое дорогое, на мой взгляд, в искусстве слова.

2. В сущности, произведения делятся на две значительные группы: одна отражает окружающую действительность; другая настаивает на независимости искусства от окружающей действительности. К первой группе, несомненно, относятся «Дневник чумного года» Дефо и поэма Джироламо Фракасторо о наказанном Венерой пастухе Сифилисе... Игнорирование значительных событий окружающей действительности может даже раздражать. Так, например, Достоевский бранил Фета, предлагал ему представить ужасное землетрясение в Лиссабоне – люди погибли, а поэт – всё о своём: «Шёпот, робкое дыханье»... Однако Пушкин полагал совсем иначе:

*...ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.
Таков поэт: как Аквилон,
Что хочет, то и носит он —
Орлу подобно, он летает
И, не спросясь ни у кого,
Как Дездемона, избирает
Кумир для сердца своего...*

3. Думаю, что в любой стране писательское сообщество не является монолитом, а включает в себя по меньшей мере пять-шесть различного направления сообществ, а также и индивидуумов, принципиально обретающихся вне сообществ. По сути, интерес к писанию текстов не только не уменьшается, но и увеличивается; формируются многолюдные интернет-сообщества пишущих – стихи.ру, проза.ру. Думаю, следует смириться с тем, что серьёзная литература, будь то

Надя Делаланд:

1. Думаю, сейчас особенно востребована терапевтическая функция искусства, вытекающая из его «целительного и преображающего» потенциала. Человеческая психика объективно «сдаёт» под натиском известий о смерти, на моей памяти такого, как сейчас, ещё не было. Но я много раз становилась свидетелем того, как стихи помогали людям выйти из духовного кризиса, справиться с унынием, пережить горе или физическое недомогание. Часто после лекций о поэзии ко мне подходят слушатели и рассказывают свои истории.

Вот, например, история пианистки, которая овдовела и начала как будто бы наблюдать свою жизнь со стороны, все её чувства заморозились, замерли. И вот однажды, спустя год после смерти мужа, она шла с кладбища и вдруг почувствовала, как речевой поток сам собой начинает складываться в стихи. Первое время она никак не могла контролировать процесс, просто отдалась ему, но вместе с ним в неё вернулась жизнь, способность чувствовать, находиться внутри себя. Позже она научилась справляться с этим, и всё постепенно пришло в норму.

Другая история – о поэте и художнике. Он в юности попал в больницу с чудовищными болями в спине – не мог спать, есть, не помогали никакие лекарства. И единственное, что позволяло ему хоть как-то переносить мучения, были стихи. Причем он не писал их, а читал чужие – вспоминал и прокручивал в голове, шептал себе под нос. И так победил.

Есть ещё много историй из опыта моей работы в психиатрической клинике – в течение нескольких лет каждую неделю я проводила занятия по стихотерапии. Феномен искусства, как мне кажется, состоит в том, что оно, с одной стороны, объективирует переживания – написав свое стихотворение или читая чужое, но отзывающееся в нас, мы как бы смотрим на свои чувства извне.

С другой стороны, оно их эстетизирует. Это тоже очень важный момент. Человеку необходимо, чтобы его горе было не унижительным и жалким, а прекрасным и возвышенным. Об этом замечательно рассказывал и писал Александр Мелихов. Он в свое время работал на телефоне доверия с людьми, которые совершили попытку

стихи, проза или научные работы, рассчитана на небольшой круг читателей. Но как добиться расширения этого круга? Думаю, следует не облагать налогами небольшие некоммерческие издательства и соответствующие магазины. А как же быть с литературой «для многих»? Возможно, если книга издана тиражом более трёх тысяч экземпляров, стоит проверить её на предмет наличия антигуманных идей... Средний тираж серьёзной поэзии – не более тысячи экземпляров...

Александр Балтин:

1. К сожалению (дело здесь вовсе не в пандемии, а в общем течении жизни) искусство в наши дни играет весьма призрачную роль: победа технологичности и денег очевидна, равно – усыхание душ: за счёт чрезмерной рациональности и материальности жизни. Искусство – высокое, насыщенное сложным содержанием и исполненное согласно высоким эстетическим критериям, становится уделом горстки – в процентном отношении, конечно, от численности... различных социумов.

2. По-моему, любое время предъявляет одни и те же требования: писать хорошо, то есть максимально выразительно, расшифровывая при этом свою душу, используя все культурные коды, наработанные предшествующими временами.

3. Никаких – оно слишком мало значит в современной «большой игре».

Игорь Федоровский:

1. Искусство занимает во время пандемии интегрирующую позицию, всё больше появляется пандемийного творчества, связанного с некоторыми привычными уже деталями быта – маски, перчатки, прививки. Всё больше текстов, картин, фильмов, связанных с медицинскими работниками.

2. Видимо, произведения искусства должны быть более оптимистичными. И притом хорошими, а не оптимистичной банальной графоманией. Они должны быть направлены на преодоление внешних и внутренних кризисных факторов.

3. Должно быть как таковое писательское сообщество. Не кучки людей, плохо осведомлённые друг о друге и считающие, что только они делают литературу. Важно знание друг о друге хотя бы в пределах своего региона.

самоубийства, и пришёл к этому выводу, что называется, на практике.

2. Возможно, читательский интерес действительно снизился, особенно в России (в Европе и Америке много читают, но там и к изданию книги подходят гораздо основательнее – работа над ней идёт дольше и кропотливее, чем у нас). Но интерес к овладению писательским мастерством у нас определённо возрос. Это любопытный феномен, свидетельствующий о существенных сдвигах в восприятии себя и мира, о возросшей потребности закрепить своё существование в слове, познать себя, создать свою вселенную и т.д. Я думаю, что внимание к этой тенденции и так повышенное – возникают всё новые и новые курсы литературного мастерства, и дела у них идут неплохо. И это то самое, что сейчас работает на сохранение «литературного искусства...».

Кроме этого, мне кажется целесообразным развивать институт продвижения литературы. Сплошь и рядом

получается так, что о вышедших книгах читатель просто не может узнать.

Это обидная и неправильная ситуация, но уверена, что постепенно и у нас в стране будет становиться всё больше и больше литературных агентов, не таких, которые заинтересованы в скорой прибыли и поэтому готовы издавать любого блогера, лишь бы у него было много подписчиков, но настоящих ценителей и знатоков хорошей литературы, как Наталья Перова или Ольга Аминова.

Ганна Шевченко:

1. Литература сейчас в большей степени обслуживает индустрию развлечений. Правила игры устанавливает рынок. Чьи книги хорошо продаются, тот и писатель.

2. Произведение должно быть интересным, иначе читатель отложит книгу и займётся чем-нибудь более приятным.

3. Боюсь, писательское сообщество здесь бессильно.